

Национальная идентичность как исторический нарратив

Ачкасов В. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, val-achkasov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье отмечается, что политическое использование прошлого характерно при конструировании всех типов коллективной идентичности. Однако особое значение прошлое и память о нем имеют для «воображения наций». Действительно, исторические нарративы национального единства призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации осмысливать себя как принадлежащих к «коллективному Я» и нивелировать неизбежно существующие различия. При этом особую роль в формировании национальной идентичности играют политические элиты, потому что они обладают доступом к наиболее влиятельным формам публичного дискурса массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. А это значит, что они обладают «доступом к сознанию» масс.

Ключевые слова: национальная идентичность, политическое использование прошлого, исторический нарратив, политические элиты

National Identity as a Historical Narrative

Achkasov V. A.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, val-achkasov@yandex.ru

ABSTRACT

The author of the article notes that the political use of the past is important for the construction of all types of collective identity. However, the past and the historical memory have special significance for the “imagined nations”. In point of fact, the historical narratives of national unity fulfill an integrative function, that reduces the level of existing differences. Consequently, this function is allowed the members of the nation to comprehend themselves as belonging to the “collective identity”. Hereby, political elites play a special role in the process of the national identity formation, as they have access to the most influential forms of public discourse, such as mass media, politics, science, education and state bureaucracy. And this means that they have “access to the consciousness” of the masses.

Keywords: national identity, political use of the past, historical narrative, political elites

Будущее не определяется прошлым, однако, несомненно, испытывает его сильное влияние. В то же время следует специально отметить, что политическое использование прошлого характерно при конструировании всех типов коллективной идентичности (расовой, этнической, классовой, гендерной, религиозной, региональной/территориальной и др.), поэтому понятия исторической памяти и идентичности неотделимы друг от друга. Между ними существуют отношения тесной взаимозависимости. «Группу формируют общие корни, т. е. история, — отмечает Г. Нориль. — ...Культурная однородность объясняется передачей из поколения в поколение общих ценностей и форм бытия» [29, р. 64]. Однако особое значение прошлое и память о нем имеют для «воображения наций». «Без национальной истории, освещающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, образы героев и злодеев, нет нации», — утверждал С. Хан-

тингтон [23, с. 185]. Э. Геллнер также указывал на особую значимость использования истории как ресурса для формирования и поддержания национальной идентичности (а именно, для преодоления социальной дистанции между группами, интегрирования их в рамках единой нации, преодоления дистанции между традиционной и современной массовой, анонимной культурой) [3]. При этом предлагаемые образы истории и варианты ее интерпретации вступают в конфликт и конкурируют не столько на академическом поприще, сколько в борьбе за власть и политическое влияние.

В связи с этим Клод Лефор говорит «о парадоксе республиканской легитимизации». В отличие от сословно-династических форм правления, — отмечает исследователь, — где место власть предержащего, защитника, сюзерена и законодателя изначально зарезервировано за одним лицом, получающим такие права в наследство, в результате действия династического права, — в республике, как и в демократии, необходимо быть уполномоченным самим народом-сувереном, чтобы занимать подобное место. Тем не менее, самого «народа» как такового не существует; это искусственно вычленяемое целое, которое выступает, прежде всего, в роли «символического диспозитива» власти. Таким образом, нация, являющаяся носителем власти, одновременно является тем, над кем властвуют; она самопровозглашает свое существование, являясь одновременно и учредителем себя как государства, и тем, кого учреждают. Причем процесс «учреждения нации» исходит в значительной степени от тех, кого — случай, действие избирательных ново-возникших институтов власти, военная сила или всеобщее признание ставят во главу государства [10].

Политическое использование прошлого в дискурсе властных элит необходимо для решения конкретных актуальных задач, но оно всегда подчинено логике легитимации проводимого элитами политического курса. «Легитимность и сплоченность современного государства, — отмечает К. Калхун, — отчасти зависела от его способности притязать на сильную национальную историю. Это подталкивало к пересмотру прошлого и новым действиям, на исполнение давних обещаний» [8, с. 234]. Напомним, что профессиональная история возникла в начале XIX в. именно как часть «предприятия по строительству нации» (А. Миллер), а к началу XX в. историография и история в Европе стала окончательно определяться исключительно в националистических категориях. «Понятие „национальная история“, — отмечает Г. Бордюгов, — ...означает систему знаний, сотворенную национальной (принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбежных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм» [1, с. 9]. Более того, как утверждают авторы книги «Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад» (М., 2010), «Функции исторического знания на протяжении, как минимум, последних трех веков модифицировались и усложнялись, но, все же, можно за всем многообразием задач истории увидеть один инвариант — это обеспечение идентичности. Смена моделей историописания была, как правило, связана с кризисами идентичности» [18, с. 25–26].

При этом пережитая и передаваемая из поколения в поколение история служила и служит сегодня, всего лишь, «сырьем» для конструирования «подлинной» истории нации, формирования «образа древности» столь важного для любого национального самосознания. Вся прежняя история народа теперь определяется в национальных категориях. «Когда идея современной национальности оформилась в XIX в., — утверждает Тимоти Снайдер, — она породила множество националистических движений, поборники которых были полны решимости отыскать корни своей современной нации в далеком прошлом. Эту тенденцию подхватили коммунисты и их оппоненты (в посткоммунистических странах. — В. А.) в конце XX в.» [21,

с. 244]. Именно поэтому создание «работающего» национального исторического мифа становится важной государственной задачей в девятнадцатом и двадцатом столетиях¹. Создание словарей и учебников национального языка, фиксирующих существующие нормы — или поднимающих на уровень литературного языка устное крестьянское наречие; популяризация национальных символов, учреждение национальных праздников, появление вымышленных персонажей, олицетворяющих нацию или ее институты — все служило тому, что образ уникальности нации становился чем-то само собой разумеющимся в сознании ее членов. Именно поэтому, как представляется, национальную идентичность и чаще всего определяют, как «коллективное чувство, в основе которого лежит вера в принадлежность к одной и той же нации и согласие в отношении большинства атрибутов, которые делают ее отличающейся от других наций» [28, р. 11]. В результате, каждая состоявшаяся нация имеет свою историю (героическую или трагическую со своим пантеоном «героев» и «злодеев»), которая является не просто чередой событий, а профессионально организованным «национальным нарративом», т. е. основанным, на признаваемом достоверным, знании и признаваемой членами нации версией прошлого страны и ее народа. Сформировавшийся национальный нарратив обладает, по мнению В. Шнирельмана, рядом инвариантных черт. Таковыми являются:

- убежденность в древности и автохтонности «этноса», от имени которого и создается национальная история;
- проекция максимально широко понимаемых этнополитических границ в прошлое; идентичность «этноса» и его языка на протяжении всей истории;
- миф о славных предках;
- борьба за культурный приоритет;
- конструирование образа иноземного «заклятого врага» [25].

Причем «чем более блестящим представляется народу его прошлое, с тем большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире. Националистическая или этноцентристская историческая версия играет огромную роль в легитимации политических претензий или уже имеющихся политических прав, и в этом состоит ее глубокий внутренний смысл» [24, с. 24].

Таким образом, несомненно, что исторические нарративы «играют важную роль в национальной идентификации. Связь нарратива, исторической памяти и идентичности особо отмечал еще Поль Рикер, который писал, что все мы обладаем «нарративной идентичностью» [см.: 20]. Другими словами, мы есть то, что сами о себе рассказываем, и воспоминания о прошлом — это наши рассказы о нем. То же самое можно сказать и о коллективной памяти, в которой хранится история сообществ и наций.

Действительно, «исторические нарративы национального единства» призваны выполнять интегративную функцию, позволяя членам нации осмыслить себя как принадлежащих к «коллективному Я» и нивелировать неизбежно существующие различия. Неслучайно И. Нойманн подчеркивает значимость подобных «историй в сослагательном наклонении» (конституирующих образ «коллективного Я») и осуществляющих функцию самопрезентации в политическом пространстве. Те, кто отстраняется от участия в какой-либо репрезентации истории о коллективном «Я»,

¹ К. Ф. Завершинский, вслед за итальянским исследователем К. Боттичи, определяет политический миф «как специфический нарратив группы или общества, который актуализирует значимость политического опыта людей и их поступков. Политические мифы являются основанием восприятия политики на уровне повседневности, поэтому мифопредставления по своей природе неререфлексивны. Нарративность мифа выражается в повествовании, которое привносит эмоциональную составляющую в обоснование значимости и смысла политического существования» [5, с. 22].

немедленно остаются без политического пространства», — утверждает норвежский исследователь [16, с. 277–278]. Поэтому участие в политическом дискурсе означает также постоянную борьбу за «истинный» смысл прошлого, за утверждение именно вашей его трактовки. Поэтому, в частности, и граница между профессиональными историками, изучающими политику прошлого, и политиками, заинтересованными в истории, весьма относительна. Причем историкам наивно рассчитывать на диалог на равных с властью. Поэтому столкновения по поводу исторических нарративов очень часто происходят не для выяснения исторических истин, всестороннего и объективного описания событий прошлого, а являются борьбой за политическое господство посредством символического господства того или иного толкования «истории»¹.

«Описывая «общую» историю определенной нации, давая ей объединяющие символы и мифы ... эти телеологически построенные исторические нарративы неизбежно упрощают и, как правило, искажают картину прошлого. Наряду с прославлением (предполагаемых) исторических достижений и «общих» жертв, такие нарративы решают задачу осмысления (или замалчивания) проблемных, темных или даже позорных событий в прошлом того или иного народа» [14, с. 66], т. е. решают задачу конструирования политически «удобного прошлого». «Нации, — как утверждал еще в XIX в. Эрнст Ренан, — строятся на коллективной потере памяти — изобретенные вчера, сегодня они воспринимаются уже как вечная и неизменная категория» [19, с. 19]. Таким образом, официальная история нации может быть исторически более или менее достоверной или фиктивной, но в любом случае, благодаря системе школьного образования, она становится общей собственностью, принятой большинством членов нации и обретает статус конвенциональности, поэтому отдельный человек не в состоянии в ней что-нибудь произвольно изменить.

Из этого, в частности, следует, что понятия «коллективная историческая память», равно как и «коллективное историческое сознание», «коллективная воля», суть не более чем метафоры². «Все индивиды, коллективы и институты нуждаются в прошлом, — пишет Э. Хобсбаум, — но исторические исследования раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай культурной идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облаченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм» [27, р. 357].

Поэтому современные массовые представления об истории не являются «естественной памятью нации», передаваемой от поколения к поколению, они — результат деятельности профессиональных агентов исторической политики. «То, что мы называем памятью сегодня, это уже не память, а история» [17, с. 28]. Поэтому и «то, какие элементы прошлого вовлекаются в культурный оборот в качестве «общего» для различных индивидов прошлого (а какие, напротив, «вытесняются», подвергаясь активному «забыванию»), отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся. Сколь бы неудобным для обыденного сознания это не прозвучало, но «общее прошлое» невозможно без специфических усилий по его конструированию» [11, с. 127]. Историческая память меняет свое содержание на разных этапах развития социума не только вследствие избирательного характера подхода к явлениям прошлого, но и, в меньшей степени, вследствие их разной оценки. Одни и те же события прошлого нередко получают в разных системах исторических представлений диаме-

¹ «Однако историческая наука не может развиваться без автономии от политики и идеологии, от осознания прошлого как живого процесса, поскольку каждое поколение пишет свою историю», — справедливо отмечает Г. А. Бордюгов [2, с. 7].

² В связи с этим британский исследователь Дункан Белл предложил понятие «мифопанорамы» (mythscape), обозначающее дискурсивные сферы, в которых постоянно формируются, распространяются, обсуждаются и реконструируются мифы, лежащие в основе тех или иных коллективных идентичностей (прежде всего — мифы нации) [26].

трально противоположную оценку, что определяет их разную значимость и неодинаковое звучание в памяти различных социальных групп.

Поэтому и целью исследования коллективной исторической памяти становятся ее «фигурации», меняющиеся отношения между прошлым и настоящим, обусловленные взаимосвязью символической борьбы «памятей» и «за память» в социальных полях, спецификой средств передачи исторической памяти, а также жанрами и профилями социальной памяти [5]. В связи с этим М. Ферро — автор известной книги «Как рассказывают историю детям в разных странах» — выделил три уровня, отраженных в школьных учебниках истории представлений общества о прошлом: 1) «институциональная» (т. е. официальная, санкционированная свыше) история; 2) «контрстория» (скрытая история побежденных и подавленных социальных групп, обращенных вовне сообщества); 3) индивидуальная или коллективная память [22]. Естественно, что в школьных учебниках доминирует «институциональная история».

Как уже было отмечено выше, решающая роль в таком конструировании принадлежит политическим элитам. Элиты играют особую роль в осуществлении исторической политики, потому что они обладают доступом к наиболее влиятельным формам публичного дискурса (и, как правило, контролем над ними), в частности, к дискурсам массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. А это значит, что они обладают «доступом к сознанию» масс. Более того, в силу своей природы политический текст, транслируемый представителями интеллектуальной и политической элиты, практически всегда воспроизводит нормы и идентичности того политического сообщества, от чьего имени он пишется и произносится, воспроизводит или переопределяет эти нормы, границы между внутренним и внешним «мирами», «своими» и «чужими».

От позиции, прежде всего, политических элит, как правило, зависит статус и оценка, которую получит то или иное событие той или иной национальной (этнической) истории. Хотя было бы ошибкой воспринимать адресатов элитного нарратива в качестве его пассивных потребителей, процессы кодирования и декодирования передаваемых смыслов и символов не всегда совпадают, могут появляться и альтернативные версии интерпретации транслируемого элитами исторического нарратива. Тем не менее несомненно, что, прежде всего, от политических элит зависит и выбор знаковых исторических событий, которые в рамках исторического нарратива получают статус «великого момента» или «великого события» (Э. Шилз)¹, изменившего ход исторического развития данного общества или даже всего мира. Такие «великие события», или «поворотные моменты» истории наделяются в официальном дискурсе особым символическим смыслом. В советской историографии такой статус имела Великая Октябрьская социалистическая революция, в современной России — это, несомненно, Великая Отечественная война. Как резонно утверждает Н. Копосов, «миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [9, с. 163], поскольку идея связи национальной истории с судьбой каждого россиянина, идея единства государства и народа выявляется в этой масштабной исторической трагедии, как нигде, наглядно. Неслучайно в свое время Нина Тумаркин назвала память о Великой Отечественной войне «советской гражданской религией». Ныне эта «гражданская религия» превратилась в российскую. Это подтверждает и контент-анализ ежегодных посланий Президента РФ: «...очевидно, что Великая Отечественная война — это единственное событие российской истории, которое активно используется в президентских посланиях в качестве позитивного символа, постоянно подвергаемого реинтерпретации», — отмечает О. Ю. Малинова [12, с. 114].

¹ «Великие события», — писал Э. Шилз, — это те события, которые, как считается, определили последующее развитие и, соответственно, придали ореол сакральности прошлому» [30, p. 198].

Как пишет по этому поводу Виктор Мартянов, «символическое объединение российской нации сейчас фактически сводится до одного-единственного события из богатейшей российской истории — Великой Отечественной войны, которая начинает занимать в историографии современной России (и символической политике государства. — В. А.) то же значение, что и рождение Христа в христианской хронологии» [13, с. 108, сноска]. Таким образом, общая победа в войне (и общий культ Победы) играет роль не только главного, но и зачастую единственного сплачивающего символа «многонационального российского народа». Действительно, когда Фонд «Общественное мнение» в конце 2014 г. попросил россиян назвать пять наиболее важных, по их мнению, дат отечественной истории, Великую Отечественную войну назвало подавляющее большинство опрошенных — 86% [7].

Однако, как замечает Я. Зерубавель, «...любые действия, связанные с сохранением памяти об этих поворотных моментах истории, пронизаны чувством приобщения к святыне, но, в то же время, в них сквозит глубокое внутреннее противоречие. Это символическое состояние «порубежья», бытия на грани двух эпох, с одной стороны, придает «поворотным моментам» дополнительную неоднозначность, позволяет по-разному их интерпретировать, а с другой — способствует их превращению в политический миф, используемый в борьбе различных сил» [6, с. 21–22]. Неслучайно в канун и после крушения Советского Союза радикальной ревизии была подвергнута история Октября 1917 г. и под сомнение поставлен его статус как «великого момента» — «акта творения нового мира». Октябрьской революции теперь чаще всего приписывалось значение «социальной катастрофы» и «коллективной травмы». Сегодня на посткоммунистическом пространстве то же самое происходит с предисторией и историей Второй мировой / Великой Отечественной войны.

«В бывшей советской империи отношения с собственной историей остаются непроясненными, в них слишком часто угрожающе вмешивается политическая повестка дня», — утверждает итальянский журналист Дж. Д'Амато [4, с. 76]. Поэтому не случайно, что после распада Советского Союза, который, не без оснований, называли «страной с непредсказуемым прошлым», перед политическими и интеллектуальными элитами новых постсоветских наций объективно встала проблема конструирования национальной традиции, «национализации прошлого», вычленения новых «поворотных моментов» в истории, «переформатирования» коллективной исторической памяти для легитимации процесса национального строительства и возникших этнократических политических режимов. Все эти задачи во многом решаются посредством, транслируемого элитами, исторического нарратива.

Литература

1. *Бордюгов Г.* Предисловие. Национальные истории: тенденции последнего десятилетия // Национальные истории на постсоветском пространстве. Т. II / ред. Ф. Бомсдорф, Г. Бордюгов. М. : АИРО-XXI, 2009. С. 9–14.
2. *Бордюгов Г. А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.
3. *Геллнер Э.* Нации и национализм [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/12.php (дата обращения: 20.06.2018).
4. *Д'Амато Дж.* Развод по-советски. Из сверхдержавы на задворки глобализации. М. : Изд. РГГУ, 2013.
5. *Завершинский К. Ф.* Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2015. № 2. С. 16–25.
6. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М. : Новое издательство, 2011.
7. *Какие даты российской истории мы считаем важнейшими? И какие — знаем?* [Электронный ресурс] // Фонд общественного мнения. Официальный сайт. URL: <http://fom.ru/Proshloe/11163> (дата обращения: 20.06.2018)

8. *Калхун К.* Национализм. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2006.
9. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011.
10. *Лефор К.* Политические очерки (XIX–XX век). М. : РОССПЭН, 2000.
11. *Малахов В.* Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт / под ред. М.Б. Олкотт, И. Семенова. М. : Гендальф, 2001.
12. *Малинова О.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. № 3–4 (52), май–август. С. 106–122.
13. *Мартьянов В.* Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2. С. 94–109.
14. *Миллер А.И.* Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки : сб. науч. тр. 2005. № 3. С. 66–75.
15. *Морозов В.* Охранительная модернизация Дмитрия Медведева. Некоторые размышления по поводу Ярославской речи // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 307–320.
16. *Нойманн И.* Использование Другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство, 2004.
17. *Нора П.* Между памятью и историей // П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж де, М. Винок. Франция — память. СПб. : Изд. Санкт-Петербургского университета, 1999.
18. *Образы времени и исторические представления.* Россия. Восток. Запад / под ред. Л.П. Репиной. М. : Кругъ, 2010.
19. *Ренан Э.* Что такое нация? // Э. Ренан. Собр. соч. в 12 т. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.
20. *Рикер П.* Память, история, забвение. М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004.
21. *Снайдер Т.* Реконструкция наций. Москва — Вроцлав — Летний сад ; Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езераньского во Вроцлаве, 2013.
22. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах. М. : Книжный клуб 36,5, 2010.
23. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : ООО «Издательство АСТ» ; ООО «Транзиткнига», 2004.
24. *Шнирельман В.* Ценность прошлого: Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / под ред. А. Малашенко, М. Олкотт. М. : Гендальф, 2000. С. 12–33.
25. *Шнирельман В.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : ИКЦ «Академкнига», 2003.
26. *Bell D. S. A.* Mythscapes: memory, mythology and national identity // Brit.j. sociology. L., 2003. Vol. 54. N 1. P. 63–81.
27. *Hobsbawm E. J.* On History. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1997.
28. *Guibernau M.* The Identity of Nations. Cambridge : Polity Press, 2007.
29. *Noiriel G.* Etat, nation et immigration. Paris : Gallimard, 2005.
30. *Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, London : University of Chicago Press, 1975. P. vi, 516.

Об авторе:

Ачкасов Валерий Алексеевич, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор, val-achkasov@yandex.ru

References

1. Bordyugov G. Preface. National stories: tendencies of the last decade // National stories in the former Soviet Union [Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve]. V. II / edition F. Bomsdorf, G. Bordyugov. M. : AIRO-XXI, 2009. P. 9–14. (In rus)
2. Bordyugov G. A. "Memory wars" in the former Soviet Union. M. : AIRO-XXI, 2011. 256 p. (In rus)
3. Gellner E. Nations and nationalism [Electronic resource]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/12.php (In rus)
4. D'Amato J. Divorce, Soviet Style: From Superpower to the Periphery of Globalization. M. : Prod. RSHU, 2013. 345 p. (In rus)
5. Zavershinsky K. F. The political myth in structure of modern symbolical policy // Bulletin of the St. Petersburg University [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta]. Series 6. 2015. N 2. P. 16–25. (In rus)

6. Zerubavel Y. Dynamics of collective memory // Empire and the nation in a mirror of historical memory [Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati]: Collection of articles. M. : New publishing house, 2011. 416 p. (In rus)
7. Which dates of the Russian history do we consider the major? And which — we know? [Electronic resource] // Fund of public opinion. Official site. URL.: <http://fom.ru/Proshloe/11163> (In rus)
8. Calhoun C. Nationalism. M. : Publishing house "Territory of the future", 2006. 288 p. (In rus)
9. Koposov N. Memory of a high security: History and policy in Russia. M. : New literary review, 2011. 320 p. (In rus)
10. Lefort C. Political sketches (the 19–20th century) / translation from french E. A. Samarskaya. M. : ROSSPEN, 2000. 367 p. (In rus)
11. Malakhov V. Symbolical production of ethnicity and the conflict // Language and the ethnic conflict [Yazyk i etnicheskii konflikt] / under the editorship of M. B. Olcott and I. Semyonov. M. : Gandalf, 2001. 150 p. (In rus)
12. Malinova O. A past subject in rhetoric of Presidents of Russia // Pro et Contra. 2011. N 3–4 (52), May–August. P. 106–122. (In rus)
13. Martyanov V. Construction of the political nation and ethnonationalism // Logos. 2006. N 2. P. 94–109. (In rus)
14. Miller A. I. A debate about history and the German identity // Political science: Identity as factor of policy and subject of political science: collection of articles [Politicheskaya nauka: Identichnost' kak faktor politiki i predmet politicheskoi nauki]. 2005. N 3. P. 66–75. (In rus)
15. Morozov V. Guarding modernization of Dmitry Medvedev. Some reflections concerning the Yaroslavl speech // NZ. 2010. No. 6. P. 307–320. (In rus)
16. Neumann I. Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation. M. : New publishing house, 2004. 336 p. (In rus)
17. Nora P. Between memory and history // Nora P., Ozouf M., Puymège de J., Winock M. France is memory. SPb. : Publishing house of St. Petersburg University, 1999. 328 p. (In rus)
18. Images of time and historical representations. Russia. East. West / under the editorship of L. P. Repina. M. : Krug, 2010. 962 p. (In rus)
19. Renan E. What is a nation? // Renan E. Collected works in 12 v. Translation from French under the editorship of V. N. Mikhaylovsky. V. 6. Kiev, 1902. P. 87–101. (In rus)
20. Ricœur P. Memory, History, Forgetting. M. : Publishing house of humanitarian literature, 2004. 728 p. (In rus)
21. Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. Moscow – Wrocław : Summer garden; Board of Eastern Europe of Jan Nowak-Jeziorański in Wrocław, 2013. 412 p. (In rus)
22. Ferro M. As tell a history to children in the different countries. M. : Book club 36,5, 2010. 378 p. (In rus)
23. Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. M. : Ltd company "Transitbook". 2004. 653 p. (In rus)
24. Shnirelman V. Past value: Ethnocentrist historical myths, identity and ethnopolicy // Reality of ethnic myths [Real'nost' etnicheskikh mifov] / under the editorship of A. Malashenko and M. Olcott. M. : Gandalf, 2000. P. 12–33. (In rus)
25. Shnirelman V. Memory wars. Myths, identity and policy in Transcaucasia. M. : "Academkniga", 2003. 592 p. (In rus)
26. Bell D. S. A. Mythscapes: memory, mythology and national identity // Brit. j. sociology. L., 2003. Vol. 54. N 1. P. 63–81.
27. Hobsbawm E. J. On History. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1997.
28. Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge : Polity Press, 2007.
29. Noiriel G. Etat, nation et immigration. Paris : Gallimard, 2005.
30. Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago, London : University of Chicago Press, 1975. P. vi, 516.

About the author:

Valery A. Achkasov, Head of the Department of Ethnopolitology of Faculty of Political Science of Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Science), Professor; val-achkasov@yandex.ru